

Академическая наука?..

С. В. МЕЙЕН*

Я согласен с теми, кто считает, что в науке нашей перестройка нужна в той же мере, что и во всех других областях народного хозяйства. Больше того, я могу утверждать, что по крайней мере в тех областях науки, в которых я достаточно компетентен, в которых я работаю сам, все достигнутые успехи не обусловлены существующей системой управления наукой и ее финансирования, а достигнуты вопреки этой системе.

Я поражаюсь, как при этой удивительно продуманной и вместе с тем невероятно глупой организационной системе наука делает еще какие-нибудь успехи. Впрочем, не будем обольщаться этими успехами. Наука имеет объективные способы проверки эффективности ее деятельности. В конечном счете об этом можно судить, во-первых, по тем предметам, которые нас окружают, а во-вторых — по распределению Нобелевских премий, список которых публикуется каждый год. В самом деле, много ли вокруг нас предметов, которые вошли в наш быт именно благодаря нашей отечественной науке? Оглянитесь в комнате, оглянитесь на улице; посмотрите вокруг, и вы увидите, что таких вещей очень мало. Все назовут спутник, может быть, лазер... и я не знаю, что еще. Потому что радио, хотя и было вроде бы впервые изобретено в нашей стране, но пришло оно в наш быт позднее, с Запада. На стене висит фотография — она также пришла с Запада. Телевизор, телефон, кассетный магнитофон, на котором пишутся мои слова; шариковая ручка, которой я пишу, и буквально все распространенные у нас предметы пришли к нам из других цивилизаций, мы обязаны этими вещами наукам других цивилизаций — не нашей. Наша цивилизация, наша наука оставили в этом отношении поразительно малый след.

Что касается непосредственных достижений самой науки, а не ее прикладной части, то тут можно назвать много такого, чего добились наши ученые, особенно в последние десятилетия. В прошлые десятилетия и столетия на фоне десятков великих имен русские имена исчислялись единицами. Менделеев, Лобачевский и еще очень немногие люди известны в мире так же, как Ньютон или иной знаменитый западный ученый. В 20-м веке появилось новое мерило качества научного труда — Нобелевские премии. Правда, они охватывают далеко не все науки — только физику, химию и медицину (которая включает большую часть биологии). Остальные научные дисциплины под Нобелевскую премию

* Сергей Викторович Мейен (1935–1987) — доктор геолого-минералогических наук, палеоботаник и стратиграф. Его имя хорошо известно мировой научной общественности. В 1989 г. был удостоен Государственной премии СССР (посмертно) за выдающийся вклад в развитие науки. Философско-методологические работы С. В. Мейена печатались и в нашем журнале. Жизнь его оказалась беспощадно короткой. Смертельно больной, буквально за месяц до кончины, не имея уже сил писать, он продиктовал статью, которую мы предлагаем нашим читателям. Запись фонограммы была расшифрована и отредактирована С. Г. Смирновым.

прямо не подпадают, они не рассматриваются Нобелевским комитетом. Но мы понимаем, что медицина, физика и химия — это те три центральные дисциплины, вокруг которых крутится все в научном мире. Не будь высокоразвитой физики — не будет мощной аппаратуры; без высокоразвитой химии не будет сильнейших химических средств исследования, то есть остановится развитие современной биологии. А без современной медицины мы до сих пор прибегали бы к услугам знахарей, уровень здоровья и долголетия были бы сейчас, как в прошлом веке.

По количеству Нобелевских премий наша страна чрезвычайно бедна, она отстает даже от маленькой Голландии. Чтобы перечислить наших нобелевских лауреатов, хватит пальцев на обеих руках. По медицине это всего два человека — Иван Петрович Павлов и Илья Григорьевич Мечников. Несколько человек по физике, по химии — один только Николай Николаевич Семенов и все. Да еще один математик получил Нобелевскую премию по экономике — Леонид Витальевич Канторович. Кто-то может сказать, что в этом феномене есть доля национальной дискриминации, что к нашим работам относятся с определенной предвзятостью и тому есть ясные политические причины. Но никто пока не жаловался в этом отношении на Нобелевский комитет — таких жалоб я ни разу не слышал, и это «объяснение» нужно отвергнуть как клеветническое. Есть второе объяснение, которое ближе к истине: в нашей стране нередко выполняются работы, достойные Нобелевской премии, — но они не выдвигаются на премию, мировая научная общественность узнает о них с запозданием, и научный приоритет бывает утрачен. Так, например, Леонид Исаакович Мандельштам открыл комбинационное рассеяние света раньше, чем индеец Раман, — но весть об этом достигла Европы с опозданием, и в итоге мы имеем в учебниках «Раман-эффект», отмеченный Нобелевской премией.

Иными словами, появляется некто — в Москве, Ленинграде, Новосибирске или Владивостоке, не важно, и делает выдающуюся по своему значению работу. О ней знает узкий круг профессионалов, знают и те люди, от которых зависит выдвижение работы на Нобелевскую премию, — знают, но не ударяют палец о палец. И если мы так обходимся с высшими достижениями наших ученых, то как такая наука может развиваться? Не развивается ли она именно вопреки, а не благодаря своей организационной системе?

Эти слова можно сказать и про каждого отдельного научного работника. Моя покойная наставница — Мария Федоровна Нейбург — часто повторяла мне: «Сережа, мы должны бороться за право работать! Наша жизнь — борьба за это право!» Тогда я этого не понимал — я был прикрыт ее широкой спиной, и малейшие недоразумения, которые возникали между нами и дирекцией, быстро разрешались в нашу пользу; мне казалось, что так устроена вся наука. Но я быстро понял, что это не так, как только она скончалась и как только я сам столкнулся с организацией работы — своей и своих учеников. Я понял, что мы сможем работать (а не играть в работу) только в том случае, если будем вести непрерывную борьбу с начальством разного ранга. Не говорю обо всем начальстве, которое меня окружало; но со многими разновидностями начальников, в особенности с теми, которые были по своей специальности далеки от моей. И это постоянно — вся жизнь проходила в этих сражениях. Надо было доказывать в издательствах, что нужно напечатать именно такое количество фототаблиц, а не иное. Надо было доказывать в отделе снабжения, что нам нужно такое-то количество мешочков для геологических образцов; а в бухгалтерии — что нам нужно столько-то денег, а не меньше. И самое обидное и страшное — то, что люди, которых я убеждал, сами не были заинтересованы в успехе моей работы; я для них был надоедливым просителем, который почему-то не хочет сидеть тихо, а у них от этого одни неприятности.

Такая непрерывная война выматывает силы и оставляет у человека не так уж много времени на продуктивную работу в науке. Я уже не говорю о том, что в НИИ отделы снабжения почти всегда работают из рук вон плохо. Если следовать обычной процедуре получения химикатов или оборудования, то заявленное либо не будет получено вовремя, либо не будет получено вообще. Как говорится, к каждой бумажке надо приделывать ноги; нельзя просто оставить такую бумажку с просьбой или заявкой, будь это даже ищечное дело. Надо следить и контролировать, прошли ли эти документы по инстанциям, прошел ли соответствующий пункт в нормативном документе и т. п. Если этого не делать, то остав-ся только побираться — ходить по друзьям и клянчить все, что вам нужно.

Когда сейчас говорят о перестройке, то часто упоминают бюрократизм, бюрократизм в науке — это явление совершенно особое, и бороться с ним еще труднее, чем в иных областях, потому что в роли бюрократов выступают сами ученые и для них эта бюрократия выгодна. Чтобы не стать бюрократом в системе нашей науки, надо обладать невероятной смелостью. Представьте себе, что Вы — директор института. Вы должны следовать определенным, спускаемым сверху канонам общественной жизни, правилам взаимоотношений между учреждениями. Например, Вы должны организовать социалистическое соревнование. В науке это довольно бессмысленная затея, прежде всего потому, что научные исследования, как правило, не дублируются, а для сравнения результатов *разных* исследований не может быть объективных критериев. Как сравнить выведение нового сорта пшеницы хотя бы с выведением нового сорта кукурузы? Да еще сделать это сразу после окончания научных работ, до испытания обоих сортов в совхозах?

А когда объективных критериев нет, то легко изыскиваются их формальные заменители. Вот гремела по всей стране так называемая «карповская» система, когда за каждую научную добродетель — за статью, за выступление на международном конгрессе — начислялась определенная сумма очков. Соответственно, лаборатория, набравшая наибольшее число очков, получала положенное вознаграждение — грамоту, премию и т. п. Мне довелось участвовать в нашем Ученом совете, когда рьяный апологет карповской системы пришел к нам в институт, чтобы попытаться распространить ее у нас. Он делал доклад, из которого следовало, что это очень эффективная система, что есть у нее частные недоработки, но, в общем, ею можно пользоваться. Наш совет — довольно зубастый, его такими дсамагогическими заявлениями не проймешь. Поэтому последовали вопросы. Например: почему вы уверены, что лаборатория, получившая наибольшее число очков, работает лучше, чем другая? Ведь вы заранее приняли как аксиому, что ваша система оценки адекватно отражает реальность. А затем говорите, что система работает успешно — но этот тезис надо не декларировать, а доказывать, сравнивая лаборатории по иным деловым критериям, *независимым* от вашего. Если бы такое сравнение дало тот же результат — тогда можно говорить, что ваша система подтвердилась.

Второй вопрос мне особенно запомнился: он касался таких вещей, как Государственные, Ленинские и Нобелевские премии. Ясно, что за такие подвиги полагалось очень много очков, — кажется, за Нобелевскую 200 и за другие — в этом же роде. А за обычную научную статью — всего 2 очка. За длинные статьи в солидных журналах — больше очков, еще больше — за статьи в международных журналах или за монографии. И оказывалось, что можно вместо Нобелевской премии накатать пяточек статей в «Доклады АН СССР», еще пяточек — в «Известия АН СССР», несколько статей в другие журналы да еще небольшую монографию — и превзойдешь нобелевского лауреата в честном социалистическом соревновании. Иными словами, быстрота рук и ног давала человеку все пре-

имущества: эта система определяла ловкость поведения человека в международном научном сообществе, но ничего не говорила о действительном вкладе этого человека или коллектива в науку. Когда члены Ученого совета задали апологету карповской системы такой вопрос, то выяснилось, что ответа на него нет и быть не может: вся система направлена на оценку поверхностной активности ученых, а не их глубинной исследовательской деятельности.

Про различные бюрократические затеи в науке можно говорить без конца; это любимая тема разговора научных работников на дне рождения или в поезде — везде, где есть возможность «потрепаться». Тут все дефекты бюрократического стиля становятся очевидны. Вот зазвучало слово «перестройка» — оно моментально зазвучало и на собраниях в научно-исследовательских институтах. У людей, которым обрядли прежние бюрократические игры, не помогающие, а мешающие научной работе, появились надежды, что все это начнет куда-то уходить. Но первые же шаги перестройки, которые мы увидели в Академии наук, показали, что ничего реального в скором будущем не предвидится. О чем пошла речь на наших собраниях? Прежде всего — о планах. Дескать, мы имеем такие-то научные планы, мы должны к такому-то году решить такие-то научные проблемы, и теперь надо постараться их решить быстрее. Выбрать из них самые важные, сконцентрировать на них усилия — это и будет перестройкой нашей работы.

Но всякий человек, работающий в НИИ Академии наук и занимающийся именно научными исследованиями, а не технической работой, знает, что заставить человека заниматься тем, чем он не хочет или не может заниматься, практически невозможно. Поэтому приходится мириться с тем, что люди будут делать то же, что и раньше. Или их придется сдергивать с прежних мест, придется их перевалифицировать. Но если квалификация такого человека была уже достаточно высока, то ясно, что мы, решая за этого научного сотрудника, теряем его с его прежней квалификацией, но не получаем вместо него другого работника со столь же высокой квалификацией нового типа, которая нам нужна именно сейчас.

Проще такие перестановки делаются с молодежью. Но не надо думать, что молодежь Академии наук состоит из людей, которые будут охотно выполнять любую работу, на которую их посадит начальство. У молодежи тоже есть свои интересы, свои идеалы, есть собственные научные планы. И она не с такой охотой будет менять свои планы ради того, что кто-то в институте счел новую работу важной, а прежнюю, запланированную, — менее важной.

В силу всех этих обстоятельств пересмотр планов выливается лишь в пересмотр формулировок. Было в институте 25 основных тем, но кто-то сверху сказал: это многовато. Почему многовато — этого никто объяснить не может, тут начинается сплошная вкусовщина. Кто-то говорит, что состав института — 600 человек, и 25 тем для вас много, а 20 — в самый раз. Но почему 20?!

Есть определенные разработки для выяснения наукоемкости данной темы: сколько человек, средств, времени нужно для ее выполнения. Известно также, что существуют задачи, для разработки которых вообще не нужно много людей, а достаточно одного человека. Такие науковедческие разработки проводятся и у нас, но их количественные результаты никого не интересуют. Не знаю, читают ли в других НИИ АН СССР реферативный журнал «Общественные науки в СССР. Науковедение». В нашем институте никто его не читает — это я знаю точно. Журнал приходит на имя директора, но поступает прямо к Ученому секретарю, который знает, что я интересуюсь науковедческими вопросами, и передает этот журнал мне. Иначе этот журнал просто выбрасывали бы; никто другой его читать не стал бы. Поэтому все научные разработки по организа-

ции тематических планов институтов или о том, какая пропорция сотрудников может заниматься одной узкой темой, работать в одиночку,— это все никем не учитывается, здесь господствует не то что вкусовщина, а просто безграмотность. Берутся с потолка убеждения, что нам нужно делать так, а не эдак — и соответственно все преобразуется.

Наш институт в 40-е и 50-е годы завоевал невероятно высокий авторитет по геологической тематике. Наверное, можно подсчитать, сколько тем этого направления было тогда выполнено,— но никто этого не сделал. Я пришел в институт в 1958 году, и таких разговоров все еще не было. Но прошло несколько лет, и пошли такие разговоры, появилось слово «мелкотемье». Сказано было, что с мелкотемьем мы должны бороться, должны концентрировать усилия вокруг крупных тем. Я согласен — существуют такие крупные темы, вокруг которых нужно концентрировать усилия. Но ими все не исчерпывается. Есть темы, на которые достаточно посадить одного толкового человека, и он прекраснейшим образом выполнит всю работу, а результат ее будет не менее важен, столь же необходим для развития науки, как результат крупной темы.

Я слышал подобные рассуждения — но они не были популярны, и укрупнение тем в науке прошло таким же шквалом, стихийным бедствием, как укрупнение деревень и колхозов в сельской местности. И как в сельском хозяйстве были выделены так называемые «перспективные» деревни — слово, которое сейчас изгоняется из жаргона директивных документов,— точно так же появились «неперспективные» направления в науке. Кто мог решать вопрос о том, перспективно ли данное направление? Только человек, совершенно в этой проблеме не разбирающийся. Ибо если человек разбирается в проблеме, то он ею занимается и вряд ли скажет, что это направление «неперспективно».

Таким образом, определилась тенденция разделения всех научных тем на «основные» и «второстепенные». Количество Основных Научных Направлений (тут много величественных слов было придумано) для институтов должно было быть небольшим; наш директор выступил на общем собрании института (это было давно, лет 15 назад) и сказал, что мы отныне переходим на 3 основных научных направления. Хватит мелкотемья; мы должны определить основные направления, что сейчас важнее всего для геологии, и на этом сконцентрировать свои усилия.

Такая операция была сделана, такие темы были сформулированы. Конечно, в аудитории нашлось достаточное количество людей, выступивших с восхвалением этого плана. А таких людей, кто понимал бы, что это бессмысленный подход к делу, и кто смог бы выступить против директора,— таких людей, естественно, не нашлось. Прошла первая пятилетка работы по такому плану, по трем основным направлениям. Официально ими занималось большинство сотрудников, а кроме того, милосердия ради, оставили несколько мелких тем для единичных людей, потому что люди эти были уважаемыми, темы — интересными, но в три главных направления они никак не укладывались.

Пятилетка кончилась, пришла пора подводить итоги — и оказалось, что формально все работали по трем новым темам; фактически же все работали так, как работали до этого. То есть, *содержание* прежнего направления исследований оказалось несложно подстроить под *название* нового направления. Достаточно было изменить название статьи и написать несколько абзацев, которые бы оправдывали это новое название, подходящее под одно из трех ведущих направлений,— а суть статьи могла остаться прежней. Когда в конце пятилетки подводились итоги, директор удивленно сказал: «Я не понимаю, что произошло! Пять лет назад я выступал с проектом трех новых тем, и никто не возражал против того, чтобы эти темы стали основой деятельности нашего института. Но оказалось, что за 5 лет ничего фактически не изменилось: институт как работал, так и продолжает работать!»

Бурная «перестройка» началась в АН СССР в конце 1985 года. Поступило распоряжение переформировать Отделение наук о Земле в Академии, перераспределить власть, переименовать способы распределения денег, заграничных командировок и многого другого. Возник шум — и создалось впечатление, что к этому шуму сводилось все в перестройке. Потому что ни о чем другом речь не шла, никакой реальной перестройки не было. За этим, как обычно, последовало написание бумаг. Опять, в который уже раз с апреля 1984 года, мы должны были писать о каких-то основных направлениях по нашим наукам, составлять какие-то важные бумаги, которые должны были, по слухам, сыграть решающую роль. Мы должны были написать о состоянии своих наук, о том, насколько и в чем именно мы отстаем от Запада или опережаем его. Что надо сделать, чтобы его догнать и перегнать. Тексты сами по себе были осмысленны и, наверное, полезны — взглянуть ретроспективно назад и сравнить положение дел нашей науки и западной. Но я думаю, что когда по каждому направлению науки — а этих направлений сотни! — пишется по 2—3 страницы, то это конспект конспекта. Невозможно по-настоящему осветить прошлое и будущее каждой ветки науки, а в целом получается все равно манускрипт из нескольких сот страниц, усвоить который, наверное, никто не в состоянии. И уж тем более не в состоянии, прочитав, но не усвоив, принять по нему какое-либо разумное решение. Опять это была явная бюрократическая игра. Одним словом, о перестройке в АН СССР говорят уже больше года; неприятностей от этих перестроечных шагов очень много, а *дела* — такого, чтобы сотрудник мог с радостью сказать: наконец-то сделали это! — такого дела до сих пор не было.

Далее, разговоры о перестройке вызвали своеобразный приступ бюрократического страха и призыв к самосохранению. Существует масса инструкций, выпущенных академическими и еще более высокими кругами, и администрация начала беспокоиться, что массовые проверки (которые стали теперь основным занятием администрации) выяснят, что то или иное указание не выполнено. И вот потребовалось все это доделывать. На заведующих лабораториями посыпались дождем приказы. Чуть не каждый день они приходили, и чего только не касались: техники безопасности или строгого определения того, чем должна заниматься лаборатория в целом и каждый ее сотрудник в отдельности.

Ясно, что такие указания для лаборатории мог составить только сам заведующий. Но ясно и то, что это бессмысленное занятие: как если бы мы, придя домой, составляли для себя подобный документ вместо того, чтобы просто заниматься привычной домашней работой. Инструкция для жены, для каждого члена семьи, чтобы они по всякому поводу в них заглядывали и точно им следовали. Может быть, в абсолютно регламентированной семье, лишенной всякой человечности, это и возможно. Но кто захочет жить в такой семье или работать в лаборатории, где такие порядки? В творческой лаборатории идет поиск и сегодня делается то, что не делалось вчера, о чем позавчера и не задумывались — когда же отвлекаться на соблюдение позавчерашних инструкций? Конечно, бюрократия не может ни понять таких рассуждений, ни признать их законность; поэтому за первый (1986) год перестройки большая часть рабочего времени ведущих сотрудников Академии была съедена бюрократической деятельностью. Все понимали бессмысленность этого, смеялись над этим — но ничего не могли поделать в рамках существующей системы управления наукой.

Ничего не сделано в АН СССР за год в ответ на разговоры о перестройке. Я боюсь, что и не будет сделано, потому что затрагивает она святая святых Академии — способы формирования ее кадров и значение всей этой организации. В каждой стране есть учреждение, которое отвечает за науку. Чаще всего это учреждение типа Национального центра научных исследований Франции, располагающего всеми деньгами,

которые государство выделяет на развитие науки. Какое-то количество денег выделяют фирмы — этого центр не касается. В других странах дело обстоит иначе: такого центра нет, а есть несколько организаций, обладающих властью распределения основных ресурсов между исследовательскими группами. Важно то, что эти средства распределяются не раз и навсегда, на много лет, а каждый раз заново под конкретную тему. И рассмотрение вопроса — следует ли выделять испрашиваемые средства — происходит не формально. Но это другой вопрос, о чем сейчас не будем говорить.

Что происходит в нашей стране с Академией наук? Естественно, мы прежде всего имеем в виду Академию, ибо кажется, что это средоточие всего самого существенного и мощного, что делается в области науки в нашей стране. Ну в отношении общих заслуг это, возможно, и так, но в отношении финансирования совсем не так: АН СССР берет от общих затрат на науку всего лишь 6 процентов! Это ничтожная пропорция, и отношение к этим деньгам соответственное; но к этому мы еще вернемся. А сейчас я хотел бы обратить внимание на то, что же такое Академия в ее высшем звене, как она функционирует, и главное — как она формируется. Мне хотелось бы начать со сравнения и взять для примера те науки, к которым я ближе. Геология и биология 30-х годов — это прежде всего такие имена, как Вернадский, Обручев, Ферсман, Николай Иванович Вавилов, Алексей Петрович и Иван Петрович Павловы. За каждым из этих имен стоит легенда — человек-легенда! Эти имена должен знать и знает каждый культурный человек нашей страны, не только геолог или биолог. Таков был ранг академиков в нашей стране в 30-е и, отчасти, 40-е годы. А возьмите список нынешних академиков и членов-корреспондентов Академии! Кстати, это последнее звание было когда-то не ниже академика; его давали такому члену, который не живет в столице и поэтому не может постоянно участвовать в заседаниях Академии; но с тех пор звание это деградировало, и сейчас «член-корреспондент» воспринимается лишь как кандидат в академики.

Я могу ругаться, что подавляющее большинство имен в списке Академии будет незнакомо человеку, не имеющему прямого отношения к науке и технике. Есть, конечно, и сейчас люди, которые приобрели чрезвычайно широкую известность. Их имена все знают, они тоже стали в некотором смысле легендой; но таких людей — единицы, а всего академиков и член-корреспондентов — сотни. И есть такие академики, которых не знают даже люди той специальности, по которой эти академики выбирались. Трудно в это поверить, но это так. А объясняется все это довольно просто: принцип выбора людей в члены Академии наук формально не изменился с 30-х годов, но фактически от прежнего подхода ничего не осталось. Если раньше в первую очередь рассматривали, и по-настоящему, научные достижения человека, его вклад в науку, смотрели место этого человека на фоне науки в целом, то сейчас интересуются прежде всего другими мерками. Конечно, что-то из прежнего принимается во внимание, и явную бездарность в Академию не пустят; но гораздо большее значение имеют совсем другие вещи. Например, человек согласился поехать из Москвы в Сибирь директором института — ему за это в награду звание академика или член-корреспондента, даже если не он сам создавал этот институт «от нуля», как некогда Лаврентьев в Новосибирске. Другой человек едет на другое, также почетное и хорошо обеспеченное место, — а ему за это дают академическое звание.

Академические звания по-прежнему означают принадлежность к Академии; но сейчас эти звания сплошь и рядом присуждаются по вненаучным критериям. Например, требуется человек, способный организовать определенного вида исследования. Именно *организовать*, а не проводить их и не обеспечить их с научно-идейной стороны. Уметь договориться со строителями, с местными партийными руководителями, уметь все «про-

вернуть», как это теперь называется. Человек может не иметь при этом никаких научных заслуг; его уровень может быть уровнем кандидата наук. И тем не менее это его умение и потребность в таком человеке, в организационном таланте — она создает новых членов Академий, и у нас есть такие академики, которые гениальные хозяйственники, но нигде не годные ученые. Впрочем, встречается и обратное, и от этого тоже протстекает немало бед.

Ибо в Академии есть институты, а институтам нужны директора. А директор — это колоссальная бюрократическая, организационная работа. Каждый день на стол директора ложится стопка распоряжений, постановлений, писем, откликов и Бог знает, чего еще. Каждый день к директору идут заведующие лабораториями, руководители других подразделений; каждый что-то просит, на кого-то жалуется, и день директора состоит из всего этого. В то же время считается, что директором должен быть обязательно академик — если такой есть в числе сотрудников института. И вот несчастный человек, совершенно не приспособленный к такой работе, становится директором института. После этого он старается свалить большую часть неприятных обязанностей на своих заместителей, а сам занимается неизвестно чем — но в результате этот незаурядный научный работник теряет свою квалификацию. Он становится академиком по названию, но не может уже считаться академиком по своей научной специальности.

Наконец, в Академии наук не столь редок элементарный протекционизм. Можно назвать академиков, которые прошли на свои посты только благодаря своей партийной работе, реже — профсоюзной, или (чаще) благодаря очень высокопоставленным родственникам. Иногда папаша помогает детям или дядя — племянникам; это совсем не редкость в институтах. В 30-х или 40-х годах это было немислимо, а сейчас существует. Что в результате? Девальвация академических званий.

В 30-х или 40-х годах сказать в компании людей, что ты знаком с академиком — это моментально вызывало уважение всех присутствующих. Люди понимали: вот сидит среди них крупный ученый, который достиг в своей науке больших высот и работает бок о бок с замечательными людьми. И если, скажем, специальность собеседника — астрономия, то ясно было, сколько можно ему задать интересных вопросов и получить квалифицированных ответов. В общем, такое отношение к академикам и член-коррам было и среди профессионалов. Вернадского, Ферсмана, Обручева уважали в их научных коллективах чрезвычайно. Эти люди действительно владели умами целых коллективов; они умели такие коллективы создавать, вести за собой, давать им темы, и не просто давать, а вдохновлять массу сотрудников на работу по таким темам. Сейчас ситуация совершенно иная. В знакомых мне НИИ осталось уже очень немного академиков, которые пользуются личным авторитетом и уважением среди своих сотрудников; таких буквально единицы. В остальном же на титул академика или член-корра уважительно реагируют только люди, далекие от науки. Например, журналист — ему нужно получить интервью от академика или директора института после общего собрания АН СССР, после запуска космического корабля или, скажем, по поводу другого громкого достижения.

Но если не глядеть на науку извне — по телевизору, не судить о ней по эпизодам тех, кто стоит в первых рядах, а поглядеть изнутри, судить по научной компетенции ее работников, то нельзя не увидеть, что пылепная картина разительно отличается от прежней — во многих областях знаний академики отнюдь не принадлежат к числу наиболее компетентных специалистов. Точно так же и широта этих людей с 30-х годов сильно понизилась. Сейчас академики и член-корры, которые остались энциклопедистами, которые одинаково хорошо разбираются в различных дисциплинах, могут дать дельные советы по разным комплексным вопросам,

которые могут, например, поехать в Совет Министров и выступить в качестве эксперта при решении такого вопроса, как поворот северных рек на юг, — таких людей осталось не так уж много. Основная масса нынешних академиков — это относительно узкие специалисты; по широте своих знаний они не превосходят среднего доктора наук. Да и выборы в Академию происходят соответственно.

Был у меня однажды доверительный разговор с одним близким мне человеком — академиком — после того, как он сделал на совете нашего института доклад и допустил в нем ряд серьезных, на мой взгляд, ошибок. Я сказал ему об этом, когда мы шли из института к метро; он согласился со мной, и тогда я пошутил: «Уважаемый НН, очень меня опечалил сегодняшний случай. Если так пойдет и дальше, то будет неприлично назвать себя академиком в приличном обществе!» Он засмеялся и сказал: «Вы очень близки к истине! На последних выборах в Академию меньше всего говорили о вкладе того или иного кандидата в науку, о его репутации в международном научном сообществе. Куда больше говорят о том, что произойдет, если мы выберем того или другого — произойдет в чисто бюрократическом плане. Если, скажем, мы выберем А, то он будет контролировать распределение денег и научной аппаратуры, а если пройдет Б, то он возьмет на себя морские экспедиционные суда; если выбрать В, то он может блокироваться с М, а дальше они могут сблизиться с Н, и тогда они вместе будут контролировать все наши работы в такой-то области. Вот так идет обсуждение, а до обсуждения чисто научных идей кандидатов дело просто не доходит, заговаривать об этом на выборах в Академию считается почти неприличным».

Я редко бывал сам на выборах в Академию, но не думаю, чтобы слова моего друга были брошены на ветер, зря. Вообще обстановка на выборах напоминает корриду, только очень плохо организованную. Перед вами с трибуны рисуют портрет с золотым нимбом — а вы знаете, что это просто зрехиндей, который добивается академического звания только ради карьеры. Или говорят о высоких научных заслугах человека, а вы знаете, что он профессиональный плагиатор, притом сам почти никогда ничего не пишет. И все его статьи, которые вы видите в научных или популярных журналах, в газетах, — это все тексты, которые писали для него его сотрудники. Когда таких людей хвалят с трибуны, а потом выбирают в Академию и назначают на важные посты, то невозможно относиться к Академии с тем уважением, которого заслуживает высшая научная организация страны.

Результаты выборов можно проверить с помощью простого теста. В США ежегодно издается Индекс научного цитирования — в нем есть указания, насколько часто ссылались на труды того или иного ученого коллеги. Конечно, всю научную литературу это издание учесть не может. Поэтому оно берет для анализа только 2500 самых известных в мире научных журналов, в том числе многие отечественные журналы. После очередных выборов в Академию некий человек не поленился и посмотрел: как распределяются претенденты в Индексе цитирования? Обнаружилась поразительная вещь: победитель на выборах занимал в Индексе последнее место, а на первых местах в Индексе оказались люди, собравшие наименьшее число голосов на выборах.

Конечно, Индекс научного цитирования не является абсолютным мерилом: туда можно попасть достаточно случайно, и некоторые работы, не отличающиеся оригинальностью, но содержащие удачное изложение полезных методик, часто цитируются, хотя их научная ценность невелика. Но это — отклонение от правила, в целом Индекс верно отражает положение ученых на «шкале качества их учености». И обнаружилось среди член-корргов и даже академиков наших очень заметное число таких людей, которые ни разу не упоминались в Индексе научного цитирования!

Какую же перестройку нужно произвести в стенах Академии, чтобы вернуть ее членам (хотя бы тем, кто придет в нее впоследствии) прежний авторитет звания академика? Я не думаю, что здесь можно чего-то серьезного добиться особой борьбой с протекционизмом или групповщиной. Видимо, нужно изменить саму ту силу, которая влечет людей к академическому званию. Ведь человек, ставший академиком, получает пожизненно и независимо ни от чего 500 рублей в месяц, а член-корр — 250 рублей. Он может ничего не делать, но деньги получать будет. Есть у членов Академии и другие привилегии в стенах АН СССР и за ее пределами. Не буду их все перечислять — они значительны и притягательны для определенного сорта людей, особенно среди тех, кто сам наукой не занят, но ценит жизненные удобства и внешние знаки почета.

Когда селективные факторы этого рода приобретают особое значение, тогда незаурядный ученый попадает в число академиков и член-коррров скорее вопреки, чем благодаря существующей системе выборов. Такие «всплески», конечно, случаются, я могу назвать академиков и член-коррров, выбранных даже в последние годы, которые вполне удовлетворяют своим званиям. Но я могу назвать куда большее число тех, кто, по моему глубокому убеждению, только позорит Академию своим присутствием. И речь идет о гораздо большем, чем растрата народных денег на материальное обеспечение членов Академии, — на это уходят считанные миллионы рублей в год. А вот плохо организуемые этими неспособными людьми научные исследования, препятствия, воздвигаемые ими на пути многих замечательных новшеств, — отрицательный эффект этих дел исчисляется миллиардами рублей и огромным моральным ущербом для всей отечественной науки.

Я считаю, что для нормализации положения в Академии, для ее действительно радикальной перестройки нужно совершить две невероятно сложные реформы, разорвать две прочные и вредные связи: во-первых, между академическим званием и материальным обеспечением его носителя, а во-вторых, между научным званием человека и его административной должностью. Пусть академик или член-корр получает несколько повышенную зарплату, пока работает, и повышенную пенсию после этого, но высокий пожизненный оклад необходимо отменить, а отставку в определенном возрасте сделать обязательной. А сейчас выход академика на пенсию — редчайший случай, он рассматривается как нарушение всех правил! И сидят 80-летние директора во главе институтов, научную работу которых они давно неспособны даже охватить умом, а тем более — возглавлять. А институты не спешат расстаться с такими директорами: ведь титул академика или член-корра рядом с подписью директора очень помогает выколачивать все нужное из Академии наук — аппаратуру, ставки, фонды и что еще может потребоваться. Уже на моей памяти в Академии наук появилось выражение «решать вопрос на уровне». Некоторые вопросы на низких административных уровнях вообще не решаются — с этим фактом мне пришлось особенно сильно столкнуться в 1975 году, когда я был генеральным секретарем Международного Карбонового Конгресса.

Тогда для дел конгресса мне приходилось часто бегать самому в Президиум АН; очень часто надо было идти или в планово-финансовый отдел, или в юридический отдел, или в организационный отдел. Нередко я сталкивался с тем, что со мной разговаривают сквозь зубы или вообще не желают говорить. В таких случаях было ясно, что вместо меня должен идти президент конгресса. В научном плане этот человек ничего собой не представлял, но у него было другое, куда более важное достоинство — он был мужем личного секретаря президента Академии! Естественно, после его разговора все вопросы решались моментально, все противоречия снимались и все шло как по маслу.

Такое «решение вопросов на уровне» чрезвычайно тормозит работу, и приходится делать что-либо такое, что позволяет «перескакивать» через «уровень», не меняя своей административной должности (что от меня не зависит), приобретать статус человека, с которым разговаривают так же, как с чинушей соответствующего ранга. Кто-то решает этот вопрос с помощью родственных связей, кто-то с помощью материальных подношений секретаршам.

Удастся ли провести в Академии наук такую реформу, которая разорвет порочный треугольник академических званий, административных постов и материального обеспечения их обладателей? Я очень хочу этого и уверен, что без такой перестройки Академия наук не может возродить былой авторитет своего имени. Но к практической осуществимости этого проекта я отношусь скептически: ясно, что изнутри Академии такую перестройку совершить нельзя, ибо основная масса нынешних ее членов слишком сильно привязана к сложившейся порочной традиции. А что можно сделать с использованием внешних сил — этого я не знаю.

Публикация М. А. Мейен